

Демис Русос — это что, иностранец?

Через несколько лет уже и я сам стал руководителем кружка. Точнее кружков. А еще точнее, на моей совести были авиаракетный, «Умелые руки», клуб и показ фильмов, а еще театр-студия и музыкальный коллектив. В остальное время меня просто таскали с гитарой по отрядам то песню разучить, то спектакль поставить. Понятное дело, после отбоя начиналось «вожатское время» то опусы попеть, то кафе «Пеньки» посетить, что за забором у гра-

фа Толмаччини. В общем, часов в сутках мне категорически не хватало.

Надо сказать, что в конце 70-х видеомагнитофонов с фильмами и концертами еще не было. Фотографии рок-кумиров, переснятые на черно-белую пленку, печатали в фото-кружке, порой не зная, кто там изображен. Так, волосатые парни с гитарами и за барабанами, орущие в микрофон. Конечно, кое-какие отрывочные данные просачивались. Например, журнал «Кругозор», регулярно помещавший статьи о рок-музыке и гибкие голубые пластинки, на которых даже названия исполнителя не было, а просто вокально-инструментальный ансамбль (ВИА). По этим пластинкам я впервые познакомился с песнями «Битлз», «Криденс», «Кристи», «Роллинг стоунз» и другими.

Надо сказать спасибо радисту лагеря Олегу Петухову. Это он помог разобраться, кто есть кто, и что такое хорошо, и что такое плохо в мире рок-музыки.

Магнитофоны с бобинами магнитной ленты крутили запиленные фонограммы. И только-только появились первые кассетные магнитофоны — «Весна» и «Электроника». Лично у нас в радиорубке стоял двухмоторный «Тембр» неподъемная махина, уважаемая за надежность.

Одним словом, искрящийся и радужный мир зарубежной эстрады и рок-безобразий мы видели кусочками по телевизору в программе «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» на Новый год или на праздники, где кроме наших друзей по соцлагерю Карела Гота, Хелены Вондрачковой, ансамбля «Червоны гитары» и мюзик-холла берлинского радио и телевидения изредка проскальзывали «Шокин блю» с вечной «Венерой», «Статус Кво» и «Квин».

Конец 70-х безраздельно принадлежит набирающему популярность стилю «диско» и его ярчайшим представителям группам «Бони М», «Оттован», «Арабески».

К ним подтянулись итальянцы со своими пломбирными шоколадными мелодиями, деревянными куклами и бсящими моно-

тонную фразу «Эль Пассадор»: «Amada mia, amore mio. uh! ah!» Короче, «ух-ах мой любимый!» - вот и вся философия!

Комизм ситуации состоял в том, что самих исполнителей ни кто живьем в глаза не видел, а если и видел, то только мельком. Ну кто ж знал, что Аль Бано и Пупо ростом невелики? Что солист в «Рики и Повери» с лысиной? А кто пел мужскую партию в «Бони М» — спорят до сих пор!

В нашем представлении все артисты зарубежной эстрады были высокие, поджарые, с длинными волосами в расклешенных брюках и батниках. Рокеры непременно в кожаных «косухах» и ковбойских сапогах на скошенных каблуках. Женщины-солистки непременно в платьицах под обрез, с грудью на выкат, в сапогах или туфлях на каблуках как Останкинская башня! И все это блещет, развевается, искрится и отражается многократно, растворяясь в тумане восходящего или заходящего солнца, поддержанного софитами.

Ну и где все это взять в пионерском лагере, где администрация НИИ вдоволь дала только чертежной бумаги миллиметровка, да ткани «мешковина»?

А народу-то хочется чего-нибудь необычного! Чего-то зарубежного, что б как у них — ярко, празднично, в отрыв!

Пробегая по хоздвору по каким-то делам, заметил два старых ржавых прожектора. Точнее, две консервные банки размером с колесо от нашей «пожарки», только со стеклом с одной стороны и лампочкой внутри.

Спросив разрешения забрать их в клуб, я поинтересовался, а можно ли найти для них новые лампочки максимальной мощности. Ламп в лагере не оказалось, но мне пообещали, что постараются привезти из Москвы.

А пока я затащил «консервы» на сцену и стал придумывать, что же с ними сделать.

Зашел электрик и, посмотрев на раритеты, вытащил здоровенную лампу, которую ввернул внутрь одного из прожекторов.

В темном, с занавешенными темными портьерами окнами, клубе было темновато, и яркий свет прожектора разрезал ее стро-

го по диагонали, словно свет «Авроры». Стало веселей, но что с этим делать особых мыслей не было.

В это время в клуб вошли сестра-хозяйка и старший вожатый. Наконец-то руководство соизволило заменить старый, покрытый пятнами от чернил и краски, изрядно залохматившийся по кромкам, а кое-где откровенно дырявый занавес на новый.

Поставив стремянку, старший вожатый полез его снимать с колец, двигавшихся над сценой по металлической трубе. Работа шла споро, и через несколько минут, отслуживший свое старый занавес уже лежал сложенный в две квадратные стопки на краю сцены. Пришла пора вешать новый.

Невыразимо солнечного цвета, желто-золотой занавес был не толстым и занавесом не являлся вообще. Это была занавеска! Добротная шторина для домашнего окна. Она перекрыла все пространство от сцены до потолка.

В этот момент электрик снова врубил прожектор, и случилось чудо!

Световой поток, направленный на нас, спроецировал наши контуры на занавес. Черные фигуры от пола до потолка двигали руками, передвигались, менялись в размере и растворялись в углу сцены. Просто театр теней какой-то!

Эврика! Именно театр теней! Театр силуэтов, в котором можно сделать кого угодно хоть Криса Нормана, хоть Сюзи Кватро!

— Слушай, Жень, опять ты затеваешь не весть что! Посмотрим, что из этого получится! — сказал старший вожатый и удалился вместе с сестрой хозяйкой.

В тихий час я отобрал несколько мальчишек и девчонок из двух старших отрядов для репетиции. Собрав их в клубе, объяснил задачу и распределил, кто на какой композиции выступает.

— Где у нас Демис Русос? — спросил я, громко поднимая глаза от сценария.

— Я здесь! — раздалось из-за поставленных друг на друга рядов кресел, а потом появился он щуплого вида пионер меланхолической наружности.

— Это ты будешь играть того толстого греческого дядьку, что поет тоненьким голоском? — не веря своим глазам спросил я.

— Да, я. — негромко ответил Демис.

На сцене два первоотрядника прилаживали цветную пленку на прожектора. Работа была не из легких, поскольку требовала недюжинной силы иначе эти тяжеленные металлические колеса было и не провернуть.

— Парни, — обратился я к ним. — Короче, вот из него надо сделать здорового, даже толстого, патлатого грека с ангельским голосом. Сначала первый из вас, подсветит его красным из глубины сцены, а когда он подойдет вплотную к занавесу, другой врубит синий прожектор от занавеса. Все ясно? На исходные!

Включили музыку. «Сувенир» Демиса Русоса, от которой девочки уплывали в мир грез, а наш художник даже своего малолетнего сына называл не Денис, а именно Дэнис, добавляя иногда - Русес.

Сколько мы не бились, но из щуплого цыпленка толстого грека не получалось. Высокий да какой угодно высоты! А вот толстый ну, ни как!

— А что, если к нему подушки привязать и накрыть его покрывалом? — предложила какая-то девочка.

— Точно! Давай! И мочалки не забудьте для волос! — и гонцы побежали в отряд.

Через пять минут уже настоящий Демис Русос плавно вытекал из красно-оранжевого облака, крутил в руках микрофон и растворялся с синем тумане, отработав свой номер.

Дело пошло! Уже и Ричи Блэкмор в широкополой шляпе с высокой тульей загибался над гитарным грифом, и Боб Фаррел скакал под «Распутина», задирая голые пятки.

Из зрительного зала вид был совершенно потрясный. Красно-синяя подсветка разноудаленных разноуровневых прожекторов формировала интересную световую композицию, а движущиеся фигуры модных исполнителей будоражили детские умы значительно сильнее, чем просто изображение в телевизоре.

— Эх, нам бы еще дыма подпустить! — мечтательно закатил глаза один из осветителей.

— А ну, давай попробуем! — и от входа отвалил вожатый, доставая пачку сигарет.

Теперь эффект был полным! И «Смоки» с Крисом Норманом были не просто танцующими силуэтами. Они были силуэтами в тумане! Да и «Дип Перпл» со своей композицией «Дым над водой» тоже изрядно выиграла от нового технологического решения.

Вывалившийся на ступени крыльца вожатый глубоко вздохнул свежего воздуха, протер раскосые от частых затяжек глаза и изрек закашлявшись:

— Вот не думал, что будет можно официально курить при пионерах, а я от этого откажусь! Ну, накурился — на смену вперед!

На совместную дискотеку двух лагерей приехали гости из п/л «Дружба». По традиции сначала был обмен любезностями в виде выступлений и номеров художественной самодеятельности. Но всех интриговали закрытая напрочь сцена с золотисто-желтым занавесом и расположенный где-то под потолком на убранных рядами креслах диджейский пульт, на котором я расположился со сценарием, микрофоном и лампочкой подсветки.

Слухи, что в «Звездочки» опять что-то отчубучили запредельное, на этот раз дискотеку со звездами эстрады, уже больше недели будоражила соседние лагеря, так что вместе с пионерами к нам завалились руководители «Дружбы» вместе с их поваром, классным дядькой, которого любили все. Он не только кормил вкусно, но участвовал во всех вечеринках, огоньках, отчубучивая на танцполе и показывая пионерам, как надо оттопыриваться, и что такое «старая гвардия»!

С нашей стороны присутствовал весь хоздвор во главе с начальником.

И вот стишки и песенки кончились и объявили дискотеку.

Из кинобудки пулеметной очередью застрекотал кинопроектор, осветив в темном зале светлый квадрат перед сценой в который вышел человек во фраке и цилиндре и объявил, что сегодня

с помощью «Волшебного фонаря» нам предстоит переместиться во времени и пространстве что бы вспомнить историю танцев от первобытно-общинного строя до наших дней. Администрация просит нервных удалиться, ибо мы начинаем!

Внезапно весь свет в зале на мгновение погас, а в глубине сцены из-за горизонта медленно начало подниматься красное блюдце солнца на фоне которого древние люди с улюлюканьем и мерными ударами в барабаны гнали дикого вепря в западню. Бой барабанов нарастал, красные фигуры загонщиков покрылись сине-желтым ореолом и пропали за горизонтом, а на сцене уже скакал негр с круглой шапкой вьющихся волос. Высоко подбрасывая голые ступни, он изгибался и подпрыгивал в такт барабанам, пока из динамиков не донеслось: «Роу-роу, Распутин! Рашен крейзи лав машин!»

Так же неожиданно угол сцены с негром погас, зато в другом углу появились силуэты трех красоток, подпевающих музыкальную фразу.

Забитый битком зал безмолвствовал. Ни кто даже не думал танцевать. Все стояли с открытыми ртами, замороженные происходящим за занавесом.

А «Бони М» уже сменили раскаленные камни древнего Парфенона, теплое море и такой знакомый, большой и сладкоголосый Дэвис.

Соскочив со своего диджейского места, я побежал проверить, как там на сцене.

Три девчонки с ковбойских сапогах из ватмана, гитарами из картона и мочалками на голове отрабатывали свой номер, то придвигаясь к занавесу, то упираясь в торец сцены. Футболки на них были мокрыми, как после бешеной скачки по прериям на диком мустанге. Взмывленные осветители покачивали прожекторами и жали на клавиши выключателей. Двое вожатых попеременно пустили дым на стекло прожекторов.

«Солдаты фортуны» — медленный танец — подумал я, а сам спросил:

— Ну как вы, еще три композиции продержитесь?

— Все в порядке! У нас две песни отдых, а потом «Смоки»! Там надо будет выложиться! Нам бы на себя из зала посмотреть, как там? — перекрикивая фонограмму, резонирующую в зале, наперебой заверещали девчонки.

Безмолвные вожатые закатывали в очередной раз зрачки к небу, затягивались как в последний раз и, выпуская тоненькой струйкой дым на стекло прожектора, облегченно вздыхали, покачивая головами мол, не волнуйся, мы свое дело знаем, не подведем.

В тот вечер ни кто так и не танцевал. Часовая программа прошла на «ура», заморозив присутствующих и породив еще больше слухов и домыслов. И откуда в «Звездочке» такие костюмы, реквизиты, оборудование. Вот профком НИИ ТП, не скупится для детей своих сотрудников не то что наши!

Скромные мальчишки и девчонки, провожавшие гостей, всем не напоминали тех рок-звезд и сияющих артистов эстрады, которые только что удивляли своей энергией, экспрессией, порождая ощущение реального концерта с реальными артистами мировой величины. Такие же молодые, задорные. Только волосы мокрые, словно после душа или бассейна.

Начальник «Дружбы», не поверил, что все сделали ребята и попросил посмотреть сцену.

Ему ее с удовольствием показали.

На деревянном полу стояла заляпанная краской деревянная стремянка, к окну придвинут такой же заляпанный письменный стол, а по разным углам сцены валялись два здоровенных ржавых прожектора в цветном целлофане. Обрывки ватмана, картонных гитарных грифов и две банных мочалки с растрепавшимися «кудрями» Вот и все что было.

— Ну, ребята, вы горазды! Порадовали! Не ожидал! — пробасил начальник «Дружбы».

— Да это ребята тешатся! Кругозор расширяют! Мы сейчас большое дело готовим, а это так себе разминка! — прокомментировал наш руководитель. У нас теперь и свой ВИА будет! На следующую смену оборудование привезут!

— Ребят, а вам повар не нужен? — хохоча вставил свое слово высунувшийся из-за спины своего начальника начальник столовой. — Я тоже хочу кругозор расширять! Я ж теперь спать не смогу все танцевать буду!

Мимо старшие пионеры с улюлюканьем протащили на руках щуплого заморыша. Кавалькада шумно удалялась в сторону корпуса.

— Кого это они? — спросил начальник «Дружбы».

— Да Дэмиса Русоса! У него сегодня дебют прошел должен проставиться! — ответил наш начальник.

— Имя какое-то нерусское. Он что, иностранец? — спросил повар.

— Нет, наш, из «Звездочки» — беря его под руку, отшутился наш, и повел всех к центральным воротам.